

Н.А.МИРОНОВА-ШАПОВАЛОВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КУЛЬТА ПРЕДКОВ В ТРОИЦКОЙ ПОЭЗИИ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ (СЕМЕЙСКИХ)

Троицкие обряды и песни, бытующие у старообрядцев Забайкалья в конце XX в., содержат в своей структуре архаические элементы, восходящие к культу предков. Изучение обрядовой поэзии немыслимо без обращения к обряду. Семантическое микрополе обряда включает три кода: вербальный (слова), реальный (предметы, вещи) и акциональный (действия) (1). Единство обрядового пространства, в котором взаимодействуют эти компоненты, позволяет воссоздать целостную мифопоэтическую картину мира, поэтому при анализе поэтического текста мы будем обращаться ко всем трем структурообразующим формам обряда. В работе использованы материалы экспедиций КФН ВСГАКИ.

О содержании культа предков в троицкой обрядности старообрядцев Забайкалья свидетельствует ряд фактов. Во-первых, временная приуроченность данных ритуалов: конец весны — начало лета как период “раскрытия” границ между миром живых и миром усопших: “Родительским днем в пятницу начинается и до понедельника всем открытый свет: и удавленникам, и утопленникам, и кто убитый — всем имя свет открывается там, на том свете. За то гуляли век Троице” (2).

Большинство троицких игр семейских сопровождается хороводом по солнцу, затем против солнца. Как известно, круговое движение, исполняемое в противоположном направлении, является танцем, совершаемым для мертвых: “В хороводе были мы, 30 / В хороводе были мы” (3).

Темпоральный признак (время “раскрытых” границ) формирует пространственные законы. Для возможности общения с потусторонним миром человек должен находиться как можно ближе

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 98-04-06025.

к границам, разделяющим эти миры, поэтому большинство троичских обрядов семейские совершают у реки (по поверью, перебравшись через водную преграду, можно попасть в мир иной). Темпоральный признак не выражен в вербальном коде, пространственная же обусловленность проявляется в ключевых словах троичских песен: “По венкам девки гадали, / Быстро в *речку* они побросали” (4).

Акциональный компонент обряда, находящийся во взаимодействии с поэтическими символами, направлен на сакрализацию ритуала.

В некоторых играх используется проход через символические ворота из рук как имитация перехода границы, например, в игре “А мы просо сеяли”, в которую семейские играют на Троицу. В одном из вариантов хороводной игры “Развивайся ты, береза” ключевое слово “ворота” со значением перехода через границу функционирует в вербальном коде, создавая одномоментную эзотерическую направленность, когда усопшие могут “участвовать” в сакральных действиях: “Выхожу я из подвала / За новые ворота” (5).

Сакральность момента позволяет присутствовать на праздничных церемониях предкам (душам усопших): “В этот день души умерших вставали из могил и во время их поминания принимали участие” (6). Мифологическое представление о присутствии предков на троичских праздниках отразилось в поэтическом контексте: “Вечор девки вечеринушку сидят, / Пришел к девкам, пришел к девкам / Пришел к девкам незнакомый человек / Незнаменький, незнаменький, / Незнаменький, незнакоменький” (7).

Образ незнакомого человека является художественным воплощением предка — человека из потустороннего мира. Семантический ряд, раскрывающий данное значение, складывался из нескольких посылок. Первичная посылка — обращение к признаку человека — незнакомый, в народном осмыслении незнакомый — чужой, потусторонний. Временной промежуток тоже играет определенную роль (вечор): темное время суток как одно из условий появления гостей из мира иного.

Следующая посылка — необычность поведения девушек: “Стали девки перешептываться: / Ишо чем же гостя подчивати? / Винцом, блинцом, винцом, блинцом, / Винцом, блинцом, сладкой водочкой” (8). Перешептываясь, они все же решают потче-

вать незнакомого человека блинцом — обрядовой пищей, которую готовят с целью угощения предков. Дальнейшее действие, очевидно, более позднее переосмысление предка как нечистой силы, которую нужно отогнать: “Одна девушка шустрa, быстра была, / Взяла девка парня за волосы, / Сподернула, сподернула, / Сподернула вдоль по лавочке” (9).

Таким образом, временной признак, ментальная характеристика, психологические компоненты, ключевые слова-символы позволяют приблизиться к исконной семантике образа.

При анализе обрядовой поэзии многоаспектный подход дает возможность увидеть функционирование ключевых слов в различных компонентах обряда, что позволяет построить наиболее полный семантический ряд и выявить мифологическую основу некоторых символов.

Неотъемлемым атрибутом троицкого цикла семейских является береза как одна из ипостасей мирового дерева. Универсальность этого символа в том, что как пространственная модель эта вертикаль объединяет мир живых и умерших. Кинетическая (акциональная) сторона обряда заключается в действиях, производимых с березой (украшение лентами, янтарями; хождения вокруг села; выбрасывание в поле, сжигание).

Частица мирового дерева может функционировать в реальном обрядовом коде. Старообрядцы Забайкалья на троицкие праздники украшали в доме березовыми ветками чаще всего именно те места, где, по поверью, обитали души умерших предков (божница), или пограничье между мирами (окно, дверь). Культовая символика березы прослеживается только в обрядовых действиях, в троицких песнях семейских не зафиксировано первоначальное соотношение с культом предков. В фольклоре отразился более поздний процесс, связанный с семантикой свадебного обряда: “Развивайся ты, береза, / На тебя придет мороз. / Выходи-ка, девка, замуж, / Я приеду за тобой” (10).

Характерным знаком троицкой поэзии является венок. Функционирование этого атрибута во всех трех формах обрядового поля позволяет сделать выводы о сакральной значимости данного символа. Совмещение реального кода (предмет — венок) с акциональным (плетение венка, бросание в воду), реализация действий в пограничном локусе (реке) — создает сферу общения с потусто-

ронним миром в рамках эзотерического поля. Открывается возможность “узнать” будущее: “Девчонки все венки бросают в речку. Куда венок уплывет далеко — недалеко, далеко она замуж выйдет или близко” (11).

В поэтическом тексте разворачивается картина гадания по венкам: “Веночки плели / С голубых цветков. / По венкам девки гадали, / Быстро в речку они побросали. / Чей венок плывет — / Милый отоймет. / Одна девка не смолчала, / Громким голосом она вскричала: / — Ой, мой утонул — / Милый обманул” (12). Важен психологический момент “девка вскричала”, столь экспрессивная реакция свидетельствует о вере в истинность прорицаемого, а следовательно, подсознательное (если говорить о конце XX в.) восприятие гаданий с венками как обращение к предкам, которые могут дать ответ на насущные вопросы: о жизни — смерти, замужестве — незамужестве.

В популярной у старообрядцев Забайкалья игре “А мы просо сеяли” сохранился образ предка в женском облике, который подвергся трансформации и вошел в клишированную часть припева: “А мы просо сеяли, сеяли, / Ай да лада, сеяли, сеяли” (13).

В ряде вариантов сохранились стилистические формы, в которых Лада фигурирует как одушевленный персонаж: “А мы просо вытопчем, вытопчем. / Ходит Лада, вытопчем, вытопчем” (14).

В сборнике П.В.Шейна “Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах” отражен первый этап игры, не зафиксированный в поэтических текстах у семейских: “А мы чищу чистили, чистили, / Ой дид ладу, чистили, чистили. / А мы пашню пахали, пахали, / Ой дид ладу пахали, пахали” (15).

Последующие действия представляют взаимодополняемое символическое единство сюжетных мотивов, ориентированное на благополучное продолжение земледельческого сезона.

В сюжетной канве поэтического текста отразились древнейшие обряды в честь богини весны и плодородия. Основной мотив — жертвоприношение матери земле (ее воплощению Ладе) с целью получения лучшего урожая. В акциональном (ритуализированные действия) и вербальном (ключевые слова) компонентах сконцентрирована семантика жертвенного ритуала в честь богини Лады. В поле центрального мотива находится ряд действий, в которых

функционируют ключевые слова-символы, конкретизирующие образ. Эволюционная замена человеческой жертвы на денежную нашла отражение в диалоге-торге: “— А мы дадим вам сто рублей, сто рублей, / Ай да лада, сто рублей, сто рублей. / — Нам не надо тысячи, тысячи, / Ай да лада, тысячи, тысячи” (16).

Упоминаемый ранее знак, обозначающий границу между миром живых и умерших, — “воротцы” — своеобразная кульминация ритуализированного действия, когда “девица” переходит грань: “Открывайте воротцы, воротцы, / Ой да ладо, воротцы, воротцы. / Запускайте девицу, девицу, / Ой да ладо, девицу, девицу” (17).

Действие чаще всего завершается с одной стороны оплакиванием, с другой — употреблением поминального обрядового напитка — пива: “В нашей полке слезы льют, слезы льют, / Ай да лада, слезы льют, слезы льют. / В нашей полке пиво пьют, пиво пьют, / Ай да лада, пиво пьют, пиво пьют.” (18)

В “глубинах народной памяти” троицкой обрядовой поэзии семейских и по сей день хранятся архетипические символы и образы. Образ существует в рамках поэтического текста (вербального кода), гораздо реже проявляя себя в других формах обряда, хотя бывают и исключения, когда персонифицированные фигуры (ряженные, Кострома, Масленица) принимают непосредственное участие в обрядовых священнодействиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
2. Информант Е.М.Зырянова, с.Кордон Тарбагатайского р-на, 1996 г.
3. Информант А.М.Дуракова, с.Захарово.
4. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф.Ф.Болонев, М.Н.Мельников. Новосибирск, 1981. С.197.
5. Информант М.П.Никитина, с.Старая Брянь Заиграевского р-на, 1997 г.
6. Информант А.М.Гордеева, с.Билютай Бичурского р-на, 1997 г.
7. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. С.204.
8. Там же.
9. Там же.
10. Информант Н.Н.Дульская, с.Шаралдай Мухоршибирского р-на, 1997 г.

11. Информант В.С.Арефьев, с.Таракановка Кабанского р-на, 1997 г.
12. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни, заговоры. Новосибирск, 1997. С.195.
13. Информант Е.И.Родионова, с.Куйтун Тарбагатайского р-на, 1995 г.
14. Информант З.С.Гришаева, с.Шаралдай Мухоршибирского р-на.
15. Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т.п. Спб., 1898. Т.1. Вып.1. С.78.
16. Информант Е.И.Родионова, с.Куйтун Тарбагатайского р-на, 1995 г.
17. Информант Г.М.Борисова, с.Куйтун Тарбагатайского р-на, 1993 г.
18. Информант Е.И.Родионова, с.Куйтун Тарбагатайского р-на, 1995 г.